

М.Д. Петров

Московский городской педагогический университет,
129226 г. Москва Российская Федерация,

«Военная революция» на Западе и политические изменения в елизаветинской Англии (1558–1603 гг.)

Изменения в тактике, стратегии, а также в способах комплектования армий оказывают существенное воздействие на эволюцию социальных и политических систем. Особенно заметно это стало, начиная с рубежа XV–XVI вв., когда в Западной Европе начался процесс, впоследствии названный историками «военной революцией». Статья посвящена изучению ее второго этапа, совпавшего по времени с правлением в Англии Елизаветы I Тюдор, и его влияния на возникновение конфликта между институтами монархии и парламента в Англии второй половины XVI в. Применяя институциональный и факторный анализ, а также историко-генетический и историко-сравнительный методы, автор ставит перед собой цель выяснить, можно ли считать процессы, происходившие в этот период в западноевропейском военном деле, значимым фактором, повлиявшим на зарождение на рубеже XVI–XVII вв. конфликта между английской монархией и парламентом.

Ключевые слова: «военная революция», военный кризис XVI в., Елизавета Тюдор, трансформация английских политических институтов раннего Нового времени, английский парламент XVI в., военные субсидии английского парламента в XVI в., англо-испанская война 1585–1604 гг.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Петров М.Д. «Военная революция» на Западе и политические изменения в елизаветинской Англии (1558–1603 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 107–124. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-107-124

© Петров М.Д., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-107-124

M.D. Petrov Moscow City University,
Moscow, 129226, Russian Federation

«Military revolution» of Western Europe and political transformation in England during the reign of Elizabeth I

Changes in tactics, strategy, as well as in the way armies are manned, have a significant impact on the evolution of social and political systems. It became especially noticeable starting from the turn of the 15th–16th centuries, when a process, later called the “military revolution” by historians, began in Western Europe. The article is devoted to the study of its second stage, which coincided with the reign of Elizabeth I Tudor in England, and its influence on the emergence of the conflict between the institutions of the monarchy and parliament in England in the second half of the 16th century. Using institutional and factor analysis, as well as historical-genetic and historical-comparative methods, the author aims to find out whether the processes that took place during this period in Western European military affairs can be considered a significant factor that influenced the emergence of the conflict between the British monarchy and Parliament at the turn of the 16th–17th centuries.

Key words: “Military revolution”, military crisis of the 16th century, Elizabeth Tudor, transformation of the English political institutions of the early modern period, English monarchy of the 16th century, military subsidies of the English Parliament in the 16th century, Anglo-Spanish War of 1585–1604

FOR CITATION: Petrov M.D. “Military revolution” of Western Europe and political transformation in England during the reign of Elizabeth I. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 107–124. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-107-124

Проблематика войны, военного дела и, как следствие, военной истории вряд ли потеряет свою актуальность. Будучи напрямую связанной с вопросом о власти, война, по выражению К. фон Клаузевица,

«не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами»¹. В таком узком контексте армия и военная теория выступают лишь инструментами правящих элит в деле навязывания своей воли как во внешней, так и во внутренней политике. Тем не менее, прогресс в военном деле, первоначально необходимый только для получения преимущества над противником, может вызвать кумулятивный эффект и оказать значительное влияние на другие сферы общества. В связи с этим возникает вопрос о том, может ли развитие военного дела, при наличии на определенном историческом этапе других предпосылок к общественным изменениям, стать значимым фактором социетальной трансформации, затрагивающей и саму политическую сферу?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к периоду XVI–XVII вв., во время которого в западноевропейских странах происходили кардинальные изменения, затронувшие многие средства и методы ведения боевых действий. В историографии этот процесс получил название «военная» или «пороховая революция». Один из основоположников этого концепта Дж. Паркер, считал, что тактические и стратегические новшества, появившиеся в этот период, значительно изменили общество и государство, способствовали возникновению многочисленных столкновений между управленцами и управляемыми, что вылилось в «общий кризис» XVII в. [18, р. 213–214]. Несмотря и на другие тезисы подобного рода, теоретики военной революции основное внимание уделяли именно техническим, тактическим и стратегическим аспектам, а не их факторному влиянию на трансформацию политических систем и институтов. Вследствие этого планомерного сопоставления процессов развития западноевропейского военного дела указанной эпохи и трансформации систем государственного управления ими и их последователями проведено не было. В связи с чем данная проблематика остается актуальной для современных исследователей.

Также большинство историков, изучающих данную проблематику, особый акцент делают на том, что затронувшие армию перемены явились значимым фактором в процессе формирования в Европе именно абсолютных монархий. В частности, М. Робертс, впервые предложивший сам термин «военная революция», писал, что «эти изменения, и сам новый стиль проведения боевых действий, потребовали новых административных методов и стандартов; и новая администрация с самого начала была централизованной и королевской» [21, р. 205]. Данного тезиса придерживался и Б. Даунинг, назвавший возникшую по итогам

¹ Клаузевиц К. О войне (1–4) / Пер. с нем. А.К. Рачинского. М., 2009. С. 52.

трансформации форму правления «военно-бюрократическим абсолютизмом» [13, р. 3, 9]. Тем не менее, уже в трудах Паркера, развившего концепцию Робертса, был сделан акцент на том, что армейские новшества повысили авторитет именно государства [18, р. 213], а не конкретно монархии. Он утверждает, что в условиях революции в военном деле «необходимость мобилизации ресурсов для войны могла укрепить власть правительства над своими подданными» [19, р. 159]. В связи с этим встает вопрос о необходимости исследования факторного влияния процессов «пороховой революции» на формирование не только абсолютистских государств, но и ограниченных монархий, таких, как английская.

В рамках изучения последней особый интерес вызывает период XVI в. Во-первых, в этот период западноевропейское военное дело преодолело большую часть двух первых этапов пороховой революции [11, с. 59]. Во-вторых, в отличие от событий XVII в., на его протяжении не было вооруженных конфликтов между различными политическими институтами и социальными группами. Но этот век, и, в особенности, его конец, в значительной степени подготовил расстановку сил для последующего противостояния монархии и парламента. Однако в рамках заданной в статье проблематики указанный период практически не изучен.

Первая планомерная попытка заполнить этот пробел была сделана Даунингом. В небольшой главе монографии, посвященной эпохе Тюдоров, он утверждал, что в этот период «военная революция» не затронула английское королевство [13, р. 166], а «до 1630-х годов отношения монархии с парламентом демонстрируют чувство взаимного обязательства и сотрудничества, а не необратимое сползание к гражданской войне» [Там же, р. 168]. Если со вторым тезисом можно согласиться при условии того, что мы отодвинем дату до 1580-х гг., то его первое утверждение в корне неверно. Согласно Паркеру, основными компонентами «военной революции» стали широкое использование огнестрельного оружия, распространение фортификации нового типа и рост численности армий [19, р. 43]; некоторые из них можно найти в Англии уже в первой половине XVI в. К этому периоду в армии все активнее начинает использоваться ручное огнестрельное оружие и артиллерия, а также строятся оборонительные сооружения, соответствующие требованиям раннего Нового времени [11, с. 66, 70]. Прослеживается и увеличение численности войск. Если в первой половине столетия общая численность милиции колебалась от 100 до 150 тыс. солдат, то во второй половине – от 120 до 183 тыс. [16, р. 34].

Утверждение Даунинга о растущем на протяжении XVI в. консенсусе монархии Тюдоров и парламента [13, р. 162] также требует уточнения.

Этот период для Англии действительно характеризуется компромиссом между указанными политическими институтами по нескольким важным вопросам. Во-первых, установление гражданского мира после продолжительных войн Роз, в ходе которых ослабили позиции не только многих представителей высшей аристократии, но и парламента. Во-вторых, стремление вернуть Англию в орбиту большой европейской политики путем ее включения в систему военных союзов против давней соперницы – Франции. В-третьих, желание обособиться от власти Рима. Последний политический процесс, получивший название «королевской реформации», практически полностью игнорируется Даунингом. Да, его осуществление стало возможным, в т.ч. благодаря поддержке со стороны парламентариев-джентри, многие представители которых обогатились в ходе секуляризации. Но во всех этих трех вопросах институту монархии в первой половине XVI в. отводилась главенствующая роль, что привело к его усилению. Монарх в начале XVI в. стал не только символом объединения страны, гарантом внутривластной стабильности и организатором военных кампаний на континенте. Он, являясь к тому же помазанником божьим, с помощью англиканского учения получил право на верховенство в духовных делах.

Несмотря на вышесказанное, данный период показал, что сложившаяся ситуация в перспективе может привести к столкновению интересов монархии и парламента. Об этом можно говорить, в т.ч. исходя из анализа процессов качественного и количественного роста английской армии и флота, а также взаимоотношений монархии и парламента по вопросу о финансировании перманентно растущих затрат на военные кампании. Если в начале правления Генриха VIII последний был готов втирать дополнительные военные субсидии, то затем их размер постоянно уменьшался. Это стало одним из факторов проведения в королевстве секуляризации, давшей монарху независимый источник доходов от продажи конфискованных монастырских земель. Однако, вследствие недальновидной финансовой и реформаторской политики, он практически полностью иссяк уже к 1550-м гг. Это поставило наследников Генриха перед вопросом поиска нового внепарламентского источника финансирования затратных войн, т.к. в противном случае им пришлось бы пойти на силовой конфликт с парламентом, что монархия пока сделать не могла [11, с. 56–75].

Выход был найден в период правления Елизаветы I (1558–1603). Решил ли он полностью проблемы монархии? Стал ли в результате этого рассматриваемый период, как утверждал Даунинг, эпохой «взаимного обязательства и сотрудничества» между институтами королевства? Или, наоборот, процессы, происходившие в рамках трансформации

военного дела, стали фактором обострения отношений между ними? Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо осветить процессы, происходившие в рамках второго периода развития военного дела эпохи пороховой революции.

Период с середины XVI в. до начала XVII в. ознаменовался структурным кризисом, суть которого выражалась в следующем.

1. «Ренессансная» модель армии, предназначенная для полноценного разгрома противника в генеральном сражении, в новых условиях не могла реализовать свой потенциал. Это произошло вследствие расширения фортификации по технологии итальянского следа (*tracé italienne*), которое заставило ее переключиться на ведение осадной и «малой» войны, где она теряла все свои наступательные преимущества [10, с. 71].

2. Проведение генерального сражения теперь не могло обеспечить полноценное преимущество в войне. Наступающая армия после него все равно или вязывалась в продолжительную осадную войну, или частично расформировывалась вследствие невозможности ее дальнейшего финансового обеспечения. Примером этого могут служить последствия битвы при Сен-Кантене², в результате которых англо-испанская армия не смогла достигнуть стратегической цели – взятия Парижа [5, с. 131].

3. Ведение затяжных боевых действий наряду с отказом от индивидуальных бойцов в пользу растущих пехотных и кавалерийских построений привело к дальнейшему увеличению расходов на военные кампании [10, с. 74].

4. Помимо этого, в полевых сражениях атакующая сторона стала терять свои преимущества из-за громоздкости и неповоротливости пехотных *tercio*³ и кавалерии, использующей *караколе*⁴ [Там же, с. 72].

5. Доминирующие в море галеоны с высокими и крепкими бортами, оснащенные только мелкокалиберной вспомогательной артиллерией, были рассчитаны на абордажный бой, что вело к невозможности поражения их с дальнего расстояния. Например, артиллерийские атаки англичан на корабли Великой армады привели лишь к минимальным

² В ходе этого сражения, состоявшегося 10 августа 1557 г., англо-испанская армия разбила шедшее на помощь осажденному Сен-Кантену французское войско, в результате чего город сдался на милость победителя. Однако из-за финансовых проблем Филипп II после сражения был вынужден частично распустить своих солдат, испанцы не смогли развить успех и продолжить наступление в сторону Парижа.

³ Испанское построение численностью 2500–3000 солдат, вооруженных пиками, мушкетами и аркебузами.

⁴ Пехотное или кавалерийское построение в 8–10 шеренг, обеспечивающее непрерывность ведения огня из ручного огнестрельного оружия.

результатам, а попытки абордажа испанских кораблей зачастую проваливались [9, с. 7].

Таким образом, эти условия давали преимущество обороняющейся, а не атакующей стороне. Эта ситуация, однако, не привела к спаду военной активности. Рассматриваемый период ознаменовался продолжительными и затратными кампаниями, в которые была вовлечена и Англия. Прежде всего, это англо-французский конфликт в ходе Итальянских войн 1556–1559 гг., Религиозные войны во Франции 1562–1598 гг., Восемидесятилетняя война в Нидерландах 1566–1648 гг. Наиболее значимой в рамках исследуемой проблематики является англо-испанская война 1585–1604 гг.

К началу правления Елизаветы Тюдор в бюджете королевства образовался огромный дефицит, составивший около 250 тыс. фунтов стерлингов [12, с. 217]. Тем не менее, для укрепления обороноспособности страны было необходимо провести реформы. В первую очередь, в них нуждалась милиция графств. Именно ополченцы составляли основную массу пехоты – главного элемента «ренессансной» армейской модели. Прежде всего, они нуждались в современном вооружении и экипировке. Для этой цели впервые вне рамок подготовки к очередной военной кампании были произведены масштабный импорт современного оружия и снаряжения. Так, Т. Грешем, главный агент королевы в Антверпене, до 1560 г. купил в Нидерландах и в различных германских государствах вооружения на сумму в 108 956 фунтов стерлингов. Помимо прочего, было закуплено 33 тыс. экземпляров различных видов огнестрельного оружия, большинство из которых, скорее всего, составляли аркебузы [15, р. 56]. Подобные траты на оборону, несмотря на их необходимость, не были профинансированы парламентом. Для перевооружения монархии пришлось брать ссуды у антверпенских купцов.

Образцы нового оружия, поступившие в Англию через Ла-Манш, были распределены между отрядами милиции различных городов и графств. Ополченцы получили возможность проводить с ним регулярные военные тренировки, для чего были наняты имеющие боевой опыт инструкторы. Однако, несмотря на столь масштабные закупки, милицию не удалось полностью укомплектовать современным вооружением: в некоторых отрядах ополчения на несколько человек приходилось всего лишь по одной аркебузе. В связи с этим, правительство Елизаветы было вынуждено в 1560-х гг. продолжить поощрение практики стрельбы из длинных луков, особенно среди отрядов милиции внутренних графств, т.к. основная масса аркебузирова была сосредоточена в приграничных крепостях. Об остром недостатке современного стрелкового оружия в королевстве может свидетельствовать тот факт, что во время

подавления королевскими войсками прокатолического Северного восстания в 1569 г. из 2 тыс. ополченцев из центральных графств только 60 солдат были вооружены аркебузами [8, с. 131–132].

Недостаток финансов на перевооружение милиции вынудил правительство искать внебюджетные способы модернизации. Государственный секретарь У. Сесил в 1567 г. провел эксперимент по формированию регулярного корпуса аркебузирова численностью в 4 тыс. чел. Его особенностью стал специфический способ содержания солдат. По замыслу Сесила, финансирование корпуса должно было происходить за счет денег налогоплательщиков, а впоследствии – средств должностных лиц с высоким доходом [Там же, с. 130–131]. Эксперимент Сесила не увенчался успехом, главным образом, в связи с отказом большого количества чиновников платить. Подданные, используя различные ухищрения, прежде всего, взятки, которыми многие добивались исключения себя из списков тех, кто должен был содержать солдат, саботировали эту инициативу. Данное обстоятельство привело правительство к мысли о том, что королевство может делать ставку только на отряды милиции, а не на регулярную армию. Последняя так и не возникла в период правления Елизаветы I, начав формироваться лишь при королях из династии Стюартов.

Тем не менее, в связи с отсутствием крупномасштабных затратных военных экспедиций на континент, ситуация с оснащением милиции современным огнестрельным оружием постепенно начала меняться в лучшую сторону. С рубежа 1570–1580-х гг. среди ополченцев доля стрелков из аркебуз начинает превалировать над долей лучников. Например, в графстве Беркшир в 1584 г. на 500 стрелков приходилось всего 100 лучников, а в прибрежных графствах в совокупности из 17 700 милиционеров-стрелков лишь 6400 не были вооружены огнестрельным оружием [Там же, с. 155].

С конца XVI в. перевооружение стрелковой пехоты мушкетами (крупнокалиберными версиями аркебузы) проходит под непосредственным контролем Тайного совета. Так, в письме от 27 октября 1595 г. члены Тайного совета приказывают комиссионерам графства Бэкингам в кратчайшее время полностью перевооружить лучников мушкетами. То же самое касалось и ополченцев, оснащенных средневековым древковым оружием (биллями), которым необходимо было выдать пики⁵.

⁵ Firearms to be substituted for bows. *Acts of the Privy Council of England*. Vol. 25. 1595–1596. J. Roche Dasent (ed.). L., 1901. Pp. 27–28. British History Online. URL: <http://www.british-history.ac.uk/acts-privy-council/vol25/pp26-50>.

По мере постепенного вовлечения королевства в религиозные конфликты на континенте, в Англии появляется большое количество ветеранов. Получив боевой опыт в армиях Морица Оранского и Генриха Наваррского, использующих передовые стратегические и тактические элементы, солдаты этих подразделений по возвращении домой становились инструкторами милиции различных графств. Таким образом, организуя помощь протестантским Нидерландам и французским гугенотам, Англия одной из первых европейских стран начала перенимать новейшую тактику, ставшую впоследствии основой для модели армии эпохи Нового времени [8, с. 189].

Значительных успехов в деле реформирования милиции Англия добилась в период затянувшейся англо-испанской войны. С целью минимизировать угрозу со стороны потенциальных десантов испанских Габсбургов, постоянно угрожающих высадкой на английском побережье, была значительно модернизирована система управления отрядами милиции. В результате нововведений, время на сборы и передвижение войск к месту высадки противника сократилось с нескольких месяцев до 2 недель [Там же, с. 209].

Продолжилось и качественное развитие военного флота. Тем не менее, его модернизация происходила в преддверии боевых действий и во время них. Количественное же увеличение флота происходит на протяжении всей второй половины XVI в. В период с 1559 по 1564 гг. в состав королевского флота вошли 5 новых боевых кораблей различного водоизмещения (от 250 до 1000 т.) и один (800 т.) был выкуплен у лондонских купцов. До начала войны с Испанией было построено еще 9 кораблей водоизмещением от 50 до 500 т., а также куплен корабль водоизмещением в 600 т. Многие морально устаревшие корабли подверглись серьезной модернизации [3, с. 110–111].

Качественные изменения в английском флоте связаны с деятельностью адмирала Дж. Хокинса. Он выдвинул идею ускоренной постройки кораблей нового типа, т.н. «быстрых галеонов». В отличие от классических галеонов, они были более быстроходными и на них было установлено значительное количество дальнобойных орудий [Там же, с. 127; 9, с. 248]. Модели этих кораблей с высокой вероятностью были заимствованы у второй после Испании морской державы Европы конца XVI в. и союзника Англии – Нидерландов. В то время как испанский флот до сих пор был укомплектован классическими галеонами с высокими каестями (платформами с ограждениями для стрелков), дающими им преимущество не в артиллерийском, а в абордажном бою, в Нидерландах начали строить боевые корабли принципиально нового типа. Первоначально это были имеющие низкую осадку орлогсхипы или

фламандские галеоны [9, с. 64]. В дальнейшем, с 1595 г., у Соединённых провинций появился и другой тип военного корабля – легкий, узкий и скоростной флейт. Для управления им требовалась команда, значительно меньшая, чем на галеоне [2, с. 261].

Все это требовало значительных бюджетных расходов. Несмотря на то, что доходы церкви перешли короне, получать такую же прибыль от продажи бывших монастырских земель, как Генрих VIII, Елизавета не могла. Общая численность земельных владений монарха к началу ее правления уменьшилась до 1/10 всех маноров страны. В дальнейшем эта цифра неуклонно снижалась [7, с. 116], а королева получила 800 тыс. фунтов стерлингов дохода от продажи домениальных земель [1, с. 107]. Тем не менее, такой источник дохода правительство не считало надежным, т.к. он был лишь кратковременным решением бюджетных проблем. В связи с этим королева и ее советники начали активно интересоваться испанским и португальским опытом получения необходимых средств для ведения затратных войн с помощью богатств Нового Света. В Англии начали появляться различные проекты по созданию колоний в Северной Америке, а также на Карибских островах. Однако, несмотря на ряд попыток, в правление Елизаветы им не суждено было осуществиться [3, с. 137–138].

Наиболее же действенным методом пополнения бюджета в середине правления Елизаветы стала практика грабежа испанских серебряных и золотых флотов. Одна экспедиция Ф. Дрейка, предпринятая в 1568 г. к берегам Вест-Индии, принесла около 40 тыс. фунтов стерлингов. В общем же доходы королевской казны от ограбления испанцев в этот год составили 85 тыс. фунтов стерлингов [9, с. 33, 35–36]. В дальнейшем, суммы награбленного стали возрастать. Например, в 1593 г. флотилии У. Рэли после ожесточенной схватки удалось захватить португальский галеон с грузом на сумму приблизительно в 250 тыс. фунтов стерлингов, а за период с 1589 по 1591 гг. общий доход от каперских предприятий достиг 400 тыс. фунтов стерлингов [4, с. 262, 270]. Тем не менее, ставка на подобный источник дохода не смогла гарантировать королевству стабильное развитие.

Постоянная угроза испанским галеонам от английских кораблей привела к дипломатической реакции Филиппа II. Конечно, Елизавета отрицала связь с организацией морских рейдов ее подданных в испанские воды и публично осудила их действия. Но продолжение тайного поощрения каперства в перспективе могло вызвать крупномасштабный военный конфликт между двумя странами. Была ли оправдана, с точки зрения англичан, подобная ситуация? Да, практика каперства могла способствовать значительному притоку денег в казну и увеличению

престижа Англии среди европейских протестантов [8, с. 229]. С другой стороны, «приватизация» боевых действий на море, ставшая следствием распространения каперских практик, стала негативно отражаться на репутации английской монархии среди католических стран, что могло вызвать конфликт не только с Испанией.

Самым главным просчетом английского правительства, отодвинувшим на второй план все плюсы спонсирования рейдов для захватов испанских судов, стало то, что доходы от каперских экспедиций не могли компенсировать всех затрат на ведение продолжительных войн. Вследствие этого монархии все равно приходилось требовать у парламента все большее количество субсидий. Это вызывало негативную реакцию коммонеров еще в первой половине правления Елизаветы. Например, в 1566 г. члены Палаты общин сделали заявление о том, что королева не получит новых субсидий до того момента, пока с ее стороны не будет конкретизирован вопрос о замужестве и назначении наследника. Несмотря на то, что основным поводом к конфликту явился вопрос, не входящий в рамки текущего исследования, для нас это событие примечательно обсуждением вопроса ведения боевых действий во Франции. По словам французского посла, «один из членов парламента встал и заявил, что не видит ни повода, ни необходимости для королевы требовать деньги от своих подданных» [17, р. 136]. Война, по его словам, «была развязана по ее прихоти, а не для защиты королевства», в связи с чем он призвал членов Палаты «внимательно изучить, как была потрачена последняя субсидия, и призвать к ответу тех, кто ей распоряжался» [Там же, р. 136–137].

Тем не менее, такие речи коммонеров до англо-испанской войны не были частым явлением, как не были они сильно заметны и в первые ее годы. Однако патриотическая эйфория, характерная для начального периода боевых действий, начала затихать с того момента, как матросы в 1588 г. не получили положенного им жалованья. Закончилась же она в начале 1590-х гг., когда англичанам стало понятно, что война будет иметь затяжной характер, а на ее ведение потребуется утверждение все большего количества налогов.

Только снаряжение флота для отражения угрозы со стороны испанской Великой армады в 1588 г., не считая затрат на приведение в боевую готовность милиции, обошлось королевской казне в сумму около 200 тыс. фунтов стерлингов [3, с. 158]. О масштабах финансовых проблем, постигших Англию уже в первые годы войны, можно судить по тому факту, что из 15 925 моряков, вышедших в море во время вышеупомянутой угрозы, 14 472 не получили жалованье [9, с. 78]. Ситуация с лишенными денег солдатами и матросами усугублялась тем, что они,

вынужденные от безденежья заниматься попрошайничеством, попадали под действие статей законов о бедных. В результате этого демобилизованные ветераны могли быть арестованы и отправлены обратно в зону боевых действий [4, с. 258].

К моменту же окончания войны и подписания Лондонского мирного договора 1604 г. Англия оказалась вовлечена в затяжной финансовый, демографический и военный кризис, во многом порожденный этим конфликтом. К концу правления Елизаветы I, по подсчетам автора трактата “The state of England” (опубликован в 1600 г.) дипломата Т. Вильсона, дефицит королевской казны достигал значительных размеров. Общая сумма бюджетных доходов, не считая тех потерь, о которых не упоминается в казначействе, и с учетом экстраординарных субсидий, составила 348 587 фунтов стерлингов⁶. Среди ежегодных расходов, наиболее примечательных в рамках данного исследования, оказались затраты на содержание армии в Ирландии, сражающейся против спонсируемых испанцами католиков. Их общая сумма достигла 283 460 фунтов стерлингов⁷, что составляет порядка 80% от стандартных доходов монархии. К этому можно добавить и выплаты на снаряжение морских экспедиций против Габсбургов, которые, хоть и не были ежегодными, но, тем не менее, весьма значительными. Так, на экспедиции 1596 и 1597 гг. было потрачено около 100 тыс. фунтов стерлингов на каждую⁸. Отдельно стоит отметить союзнические обязательства Англии по отношению к французскому королю Генриху IV, ведущему войну против Филиппа II в Нидерландах⁹. Для поддержки его войск из бюджета королевства в год выделялось по 30 тыс. фунтов стерлингов¹⁰. Таким образом, среднегодовые расходы казны на ведение и спонсирование боевых действий, проводившихся в реалиях «военной революции», привели к значительному финансовому дефициту. Подводя итог такому расточительству, Вильсон указывает, что, если так будет продолжаться, Елизавета станет «бедной государыней», королевой «несчастной страны»¹¹.

В правительстве начали понимать, что преодолеть бюджетный дефицит за счет экстраординарных средств не получится. Поэтому с начала войны в Англии начинается активный рост налоговых ставок. Одно налогообложение Лондона в период с 1588 по 1597 гг. выросло с 8815 до 31 609 фунтов стерлингов в год, а в графствах помимо субсидий для

⁶ Wilson T. The state of England, 1600. F.J. Fisher (ed.). L., 1936. P. 29.

⁷ Ibid. P. 33.

⁸ Ibid.

⁹ Имеется в виду франко-испанская война 1595–1598 гг.

¹⁰ Wilson T. The state of England, 1600. F.J. Fisher (ed.). L., 1936. P. 32.

¹¹ Ibid. P. 33.

правительства взимались и местные налоги для содержания милиции [8, с. 195].

Перманентное ужесточение фискальной политики в конце XVI в. в итоге и стало катализатором длительного конфликта между монархией и парламентом. 19 февраля 1593 г. лорд-хранитель большой печати Дж. Пакеринг, намекая на необходимость выделения новых военных субсидий, заявил парламентариям, что целью созыва текущего парламента является не обсуждение или издание новых статутов и законов [12, с. 248]. Подобное отношение к парламенту многими членами Палаты общин было воспринято негативно. В связи с этим парламентарии, в числе которых был и будущий лорд-канцлер Ф. Бэкон [4, с. 284], начинали не только открыто отказывать короне в новых субсидиях. Они критиковали экономическую и финансовую политику королевы, а также (из-за арестов оппозиционных депутатов) поставили вопрос о соблюдении парламентских привилегий. Особую ненависть коммонеров вызывали учрежденные монархией монополии на торговлю определенными товарами. Они, как и значительные военные налоги, стали причиной падения доходов представленных в парламенте представителей купечества и джентри, выступавших за свободное предпринимательство. Вследствие этого в 1601 г. Палата общин бойкотировала введение новых субсидий до того, как все монополии будут отменены [12, с. 247, 250]. Елизавета, не готовая к открытому конфликту с парламентом, пошла на компромисс и была вынуждена признать, что некоторые владельцы монополий злоупотребляли ими. После этого она отменила те из них, которые вызывали наибольшее раздражение в Палате общин, а также наделила суды правом определять судьбу монополий, продолжавших оставаться в силе [20, р. 22].

Невыплаты военным положенного жалованья, постоянный рост налогов и цен на продукты питания, а также перспектива быть вновь отправленными воевать за пределы королевства заставили англичан бунтовать. Так, в 1595 г. беспорядки в районе Тауэр-Хилла вынудили правительство ввести бессрочное военное положение, которое давало властям возможность казнить мятежников без суда и следствия. Это решение вызвало недовольство со стороны судей Суда королевской скамьи, которые были недовольны нарушениями положений Великой хартии вольностей, принципов правосудия и процедуры Habeas Corpus [4, с. 257].

В таких условиях в Англии значительно возрос авторитет Парламента, который с конца XVI в. начинает активно включаться в политическую борьбу и отстаивать интересы налогоплательщиков, а также подданных, подвергнутых несправедливым наказаниям. В частности,

в 1590 г. парламент настойчиво требует от королевы заключения мира с Филиппом II и сосредоточения на внутренних проблемах королевства, благосостояние которого уменьшается с каждым годом [9, с. 8]. Это заявление депутатов Елизаветой было воспринято крайне негативно, т.к. право самостоятельно определять курс внешней политики страны, объявлять войну и заключать мир было неотъемлемой прерогативой именно королевской власти, на которую начал посягать парламент.

Наибольшей неприязнью к фискальной политике монархии отличился парламент, созданный в 1601 г. и уже упомянутый выше в связи с вопросом о монополиях. Депутаты не только открыто критиковали проекты новых военных субсидий, но и вели себя вызывающе, демонстративно смеялись, кашляли, плевались и заглушали ораторов, выступающих от имени королевы. Но все же в итоге парламентарии проявили большую гибкость, чем в вопросе о монополиях, и все же вотировали субсидию [6, с. 274]. Тем не менее, ситуация и с повышением налогов, и с монополиями в дальнейшем могла привести монархию к серьезным политическим потрясениям [14, р. 1]. Об этом свидетельствуют последующие события, совпавшие с началом третьего этапа военной революции и не укладывающиеся в хронологические рамки описываемого правления. Стоит лишь указать, что проблема монополий и, особенно, субсидий на ведение боевых действий вновь обострится во время правления Якова I Стюарта (1603–1625) и его преемника. Это в итоге станет одним из факторов начала революции и Гражданских войн середины XVII в.

Итак, английская монархия во второй половине столетия попыталась осуществить принципиально новый проект по получению экстраординарных доходов для финансирования перманентно возрастающих в цене боевых действий в соответствии с условиями второго этапа «военной революции». Он выразился в спонсорстве каперских экспедиций против испанских серебряных флотов. Первоначальное получение таким способом легкой и богатой добычи в итоге вылилось в несопоставимую по финансовым затратам англо-испанскую войну, ввергнувшую Англию в затяжной финансовый и политический кризис. Все вышеперечисленное вынудило монархию в последующем не прибегать к пополнению бюджета пиратским путем. Юридически такое положение дела было закреплено положениями мирного договора 1604 г., согласно которому английская монархия обязывалась воздерживаться в будущем от любого грабежа, захвата и других правонарушений на суше и море на территориях, находящихся под юрисдикцией испанской короны. Помимо этого, в договоре отдельно оговаривалось, что монархия отныне не одобряет указанные действия со стороны подданных и будет

обеспечивать возмещение убытков, полученных Испанией вследствие грабежей и захватов ее судов¹².

Однако не условия мирного договора вынудили Англию в дальнейшем отказаться от поощрения каперства в мирное время. Главным фактором стал несопоставимый с доходами от каперской деятельности экономический и финансовый ущерб, полученный в ходе последующего за грабежами военного конфликта. В результате, учитывая, что другие внепарламентские источники доходов иссякли, королевская власть в военное время оказалась в сильной зависимости от субсидий, выделяемых за счет введения новых налогов. Члены Палаты общин, многие из которых были пуританами, по религиозным соображениям, конечно, могли поддерживать конфликт с католической Испанией и выделение на него дополнительных средств. Особенно в тот момент, когда он находился в стадии «необъявленной войны», а в английские порты прибывали груженные драгоценностями каперские галеоны. Но по мере развития конфликта коммонеры всё чаще стали задаваться вопросом о необходимости его дальнейшей эскалации и, в большей степени, постоянного выделения на него дополнительных средств. Затратная из-за ведения современными, в рамках второго этапа «военной революции», средствами и методами война, сильно ударив по состоянию и доходам «нового дворянства», породила его недовольство и, следовательно, нарастающую оппозиционность его представителей в Палате общин.

В итоге, правление Елизаветы I ознаменовалось незначительными конфликтами между монархией и парламентом лишь в его начале и середине, что, конечно, можно подвести под утверждение об их «взаимном обязательстве и сотрудничестве». Основная же их часть пришлась на время затяжной и затратной англо-испанской войны. Тем не менее, данная ситуация опровергает тезис Даунинга о «растущем консенсусе» между этими политическими институтами, приведшем к укреплению государства Тюдоров. Стоит, конечно же, согласиться с тем, что даже конфликт из-за военных субсидий, продолжающийся до 1604 г., происходил «в рамках конституции» [13, p. 168], однако, по мере затягивания боевых действий, консенсус не рос, а разрушался. В итоге рассматриваемый период обнажил существующие противоречия внутри английской системы государственного управления, положил начало их дальнейшему

¹² A Treaty of perpetual Peace and Alliance between Philip the III. King of Spain, and the Archduke and Archdutchess Albert and Isabella on the one fide, and James the I. King of England on the other fide. Made in the Year 1604. *A General Collection of Treatys, Manifesto's, Contracts of Marriage, Renunciations, and other Publick Papers, from the Year 1495, to the Year 1712.* Vol. II. L., 1732. Pp. 131–146.

обострению. Джентри, «рабочие партнеры Тюдоров в парламенте» [13, р. 162], будучи основными налогоплательщиками, возглавили этот процесс. Тем самым, на рубеже веков монархия вновь, как и в середине XVI в. [11, с. 73], оказывается перед схожей дилеммой: либо смириться с нереализуемостью своих внешнеполитических военных амбиций или найти новый источник экстраординарных доходов, либо, начав конфликт с Парламентом, попытаться отобрать у него право ремонстрации по вопросу о налогах силовыми методами. Первый вариант развития событий с переменным успехом удастся проводить в жизнь наследнику Елизаветы Якову I.

Дальнейший курс монархии на вооруженное противостояние с парламентом в условиях отсутствия в подчинении королевской власти сильной регулярной армии привел к ликвидации монархии. В связи с этим описанные процессы, происходившие в рамках «военной революции», к началу XVII в. не только разорвали существующий консенсус между двумя важнейшими политическими институтами королевства. В перспективе они стали одним из важнейших факторов, определивших дальнейшее взаимодействие монархии и парламента, а также оформление в Англии ограниченной монархии.

Библиографический список / References

1. Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. [Barg M.A. Velikaya angliyskaya revolutsiya v portretah eyo deyateley [The Great English Revolution in the portraits of its leaders]. Moscow, 1991.]
2. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Предисл. Г.М. Дерлугьяна; Пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко, А. Черняева. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. [Wallerstein I. Mir-sistema Moderna. Kapitalisticheskoe selskoe hozyaystvo i istoki evropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke [The world-system of Modern. Vol. I. Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the XVI century]. Moscow, 2016.]
3. Гаврилов С.Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. [Gavrilov S.N. Angliyskiy flot epochi Tudorov kak gosudarstvenniy institut [The English fleet of the Tudor era as a state institution]. PhD dis. Moscow, 2005.]
4. Гай Дж. Елизавета: Золотой век Англии. М., 2021. [Guy J. Elizaveta: Zolotoy vek Anglii [Elizabeth: The Golden Age of England]. Moscow, 2021.]
5. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. Новое время. СПб., 2016. [Delbrück H. Istoriya voennogo iskusstva v ramkah politicheskoy istorii [The history of military art in the framework of political history]. Vol. IV. New time. St. Petersburg, 2016.]

6. Дмитриева О.В. Елизавета Тюдор. 2-е изд. М., 2012. [Dmitrieva O.V. Elizaveta Tudor [Elizabeth Tudor]. Moscow, 2012.]
7. Клочков В.В. Реформация и эволюция институтов английской монархии // Известия Южного Федерального Университета. Технические науки. 2011. № 11. С. 114–118. [Klochkov V.V. Reformation and evolution of the institutions of the English monarchy. *Izvestiya SFedU. Engineering Science*. 2011. No. 11. Pp. 114–118. (In Rus.)]
8. Козлов М.Е. Развитие военной системы Англии в правление династии Тюдоров в XVI веке: Дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2013. [Kozlov M.E. Razvitie voennoy sistemi Anglii v pravlenie dinastii Tudorov v XVI veke [The development of the military system of England during the rule of the Tudor dynasty in the 16th century]. PhD dis. Smolensk, 2013.]
9. Махов С.П. Неизвестная война «Золотого века». М., 2019. [Machov S.P. Neizvestnaya voyna «Zolotogo veka» [The Unknown War of the “Golden Age”]. Moscow, 2019.]
10. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. [Penskoy V.V. Velikaya ognestrel'naya revoliutsiya [Great firearms revolution]. Moscow, 2010.]
11. Петров М.Д. Развитие западноевропейского военного дела как фактор трансформации политических институтов Англии в 1485–1547 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 56–75. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-56-75 [Petrov M.D. The development of Western European military affairs as a factor in the transformation of political institutions in England 1485–1547. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 56–75. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-56-75 (In Rus.)]
12. Царева Ю.И. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603). М.; СПб., 2020. [Tsareva Yu.I. Finansovaya politika Tudorov (1485–1603). [Financial Policy of the Tudors (1485–1603)]. Moscow; St. Petersburg, 2020.]
13. Downing B.M. The Military Revolution and Political Change. Origins of democracy and autocracy in Early Modern Europe. Princeton, 1992.
14. Gordon J.W. Monopolies by patents and the statutable remedies available to the public. L., 1897.
15. Hammer P.E.J. Elizabeth wars. War, government and society in Tudor England. Creative Print & Design (Wales), 2003.
16. Health I. Armies of the Sixteenth Century: The armies of England, Scotland, Ireland, the united provinces, and the Spanish Netherlands 1487–1609. Foundry Books, 1997.
17. Neale J.E. Elizabeth I and her Parliaments 1559–1581. N.-Y., 1966.
18. Parker G. The “Military Revolution,” 1560–1660 – a myth? *The Journal of Modern History*. 1976. Vol. 48. No. 2. Pp. 195–214.
19. Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500–1800. 2nd ed. Cambridge, 1996.
20. Price W.H. The English patents of monopoly. Boston; N.-Y., 1906.
21. Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660. *Roberts M. Essays in Swedish History*. Minneapolis, 1967. Pp. 195–225.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022, принята к публикации 08.11.2022
The article was received on 26.09.2022, accepted for publication 08.11.2022

Сведения об авторе / About the autor

Петров Михаил Дмитриевич – аспирант общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории, Московский городской педагогический университет; учитель истории и обществознания, общеобразовательная школа Московского городского педагогического университета

Mikhail D. Petrov – postgraduate student at the General University Department of General and Russian History, Moscow City University; teacher of history and social studies, secondary school at the Moscow City University

E-mail: petrov1995@mail.ru